

Она побѣжала впередъ по корридору, поворачивая лицо къ Прягину. Въ передней она спросила, все съ той же вѣжливой улыбкой:

— Какъ о васъ доложить?

— Никакъ. Просто скажите, душечка: пришелъ и желаетъ видѣть. Потому что если барыня некогда, то ей легче будетъ отказать...

Раздѣвшись, онъ вошелъ въ залу. Онъ нарочно придумалъ не докладывать о себѣ, чтобы имѣть время оправиться. Сердце его крѣпко билось. Онъ смотрѣлъ на цвѣты, должно быть, только-что купленные въ оранжереѣ, на новенькую сіяющую мебель, на книгу, брошенную корешкомъ вверхъ, и думалъ, что какъ это все вдругъ приняло печать домовитости и какъ на всемъ чувствуется прикосновеніе чьей-то заботливой руки.

Вошла Варя и сказала:

— Барыня проситъ фамилію.

Онъ назвалъ себя и думалъ, что Раиса Николаевна теперь сейчасъ же выйдетъ къ нему. Однако молодая женщина заставила еще подождать себя. Когда же она явилась, то Прягину показалось, что она переодѣвалась: на ней было сѣренькое шелковое платье съ кружевами, волоса ея были зачесаны вверхъ по послѣдней модѣ, и на рукѣ ея онъ увидѣлъ свой подарокъ — браслетъ съ рѣзнымъ рубиномъ.

— Ахъ, Никодимъ Павловичъ! — вѣжливо сказала молодая женщина, подавая ему руку. — А мы ужъ двѣ недѣли, какъ въ городѣ. Спрашиваемъ у папаша, что съ вами — не знаетъ. Федоръ Игнатьичъ два раза былъ у васъ — не засталъ. Вы куда-нибудь уѣзжали?

Прягинъ потупился и молвилъ:

— Былъ занятъ... Но какъ вы измѣнились! Очень радъ, что вижу васъ въ добромъ здоровьѣ. Сколько счастья въ вашихъ глазахъ!

— Я счастлива, — сказала она.

Они молча глядѣли другъ на друга: Никодимъ Павловичъ — съ восторгомъ и завистью; она — съ тѣмъ самодовольнымъ и яснымъ выраженіемъ, которое бываетъ у очень молодыхъ людей, узнавшихъ уже прелесть жизни, но не успѣвшихъ еще ни въ чемъ разочароваться.

— Что жъ вы не сядете? Пойдемте сюда въ гостиную. Видите, какъ мы устроились! Я сама все покупала... Всѣ удивляются, что дешево...

Она ввела гостя въ другую комнату поменьше, гдѣ стояла